

Владимир Иванович Даль

Фокусник

Владимир Иванович Даль

Фокусник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22120994

Аннотация

«– А мой драгоценный! Вот встреча, истинный подарок, право! Куда путешествуете?»

– Да я просто вышел поклоняться немного. – Так зайдемте же ко мне. Не откажите хоть теперь, вас поймать нелегко. Вы, если не ошибаюсь, даже не были у меня в нынешнем жилище моем, не видели ларов моих и пенатов, как говаривали поэты наши, лет двадцать или тридцать. А помните ли вы это время? Да где вам! Вы уж составляете другое поколение, вы молодец в сравнении, с нами, старичками... а согласитесь, пора была замечательная во многих отношениях. Сколько проснулось тут юных сил! Сколько воспрянуло истинно родных чувств, горячих, благородных...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Владимир Даль

Фокусник

– А мой драгоценный! Вот встреча, истинный подарок, право! Куда путешествуете?

– Да я просто вышел послушаться немного. – Так зайдемте же ко мне. Не откажите хоть теперь, вас поймать нелегко. Вы, если не ошибаюсь, даже не были у меня в нынешнем жилище моем, не видели ларов моих и пенатов, как говаривали поэты наши, лет двадцать или тридцать¹. А помните ли вы это время? Да где вам! Вы уж составляете другое поколение, вы молодец в сравнении, с нами, старичками... а согласитесь, пора была замечательная во многих отношениях. Сколько проснулось тут юных сил! Сколько воспрянуло истинно родных чувств, горячих, благородных... И где же это все? Все опошлилось, все замерло в самом зачатии, снаружи не дозрело, а в середине уж загнило... Знаете ли, сколько есть замечательных анекдотов того времени, которое я помню еще, будто все это случилось вчера или третьего дня?.. Ну, замолчу, однако, во-первых, потому что об этом нехорошо говорить вообще, в особенности же после обеда, когда еще пищеварение не кончено, во-вторых, и потому, что об

¹ ...ларов моих и пенатов, как говаривали поэты наши, лет двадцать или тридцать. – Здесь имеется в виду стихотворение К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (опубл. в 1814).

этом неловко говорить на улице, а в-третьих, наконец, потому что помню предостерегательный для нашего брата-говоруна анекдот, известный под заголовком: *Еще один казак остался...* Вы, конечно, его знаете?

– Нет, виноват, не знаю.

А между тем мы продолжали прогулку свою, причем правая рука моя ущемлена была локтем приятного собеседника.

– Так послушайте: у нас был – когда я еще носил военный мундир и, как говорится, не раз за отечество жизнь терял – был некто майор Посконный, человек, впрочем, почтенный, даже храбрый офицер, но самый несносный из всех говорунов и рассказчиков в мире. Вот он после похода двенадцатого года, бывало, засекал до смерти несчастных слушателей бесконечными повествованиями о событиях, которых был свидетелем. Надобно вам сказать, что человек этот никогда не врал, но правда его была хуже всякой лжи, потому что ей никогда не было конца. Любимым рассказом его была переправа войск наших через Рейн. Поймав однажды слушателя, разумеется, за пуговицу, которому не было никакой возможности дослушать все это до конца, потому что ему необходимо было поспешить в другое место, где его давно ожидали, поймав этого несчастного, майор Посконный продержал его за пуговицу не более каких-нибудь двух часов, переправляя войска с большою осторожностью батальон по батальону и эскадрон по эскадрону, и, наконец, благодаря богу, переправил их благополучно. Нетерпеливый слуша-

тель, порывавшийся во все время в тоске на простор, обрадовался этому – как я теперь этой встрече с вами – и, вздохнув, сказал: «Ну, и слава богу, теперь все», – а сам ухватился было за шапку, но майор спокойно отвечал, не выпуская, впрочем, пуговицы из рук: «Нет, позвольте, еще один казак остался...» И с этого остального казака завязывалась рацея, которую, бывало, не переслушаешь с утра до полуночи. Так вот, я говорю, уроки нашему брату! Ну, а вы как поживаете?

Между тем мы дошли до его квартиры. Я слышал об отделке ее, о том, что она устроена на английский манер в трех ярусах дома с теплой и красивой лестницей посередине. При всем том я с трудом верил глазам своим и не постигал чудес, которые видел. Человек без всякого состояния, без капиталов, без имени, без всяких доходов, жил всегда, сколько люди запомнят, и живет теперь великолепно, роскошно, проживая десятки тысяч в год. Ему надоела старая квартира не только потому, что она по отделке и убранству сделалась уже не совсем модною, но и потому, что несчастный хозяин около полугода употреблял всевозможные средства, чтоб избавиться от жильца, который никогда не платил за квартиру, а умел бог весть как занимать ее военным постоем, иной бы затруднился при таких обстоятельствах, но фокусник наш, напротив, извлек из этого еще значительную для себя пользу: он выбрал другую квартиру, гораздо шире и удобнее старой, в лучшей части столицы, отделал ее по-княжески, не щадя ничего, и перебрался. Как это сделалось, чем уплачены

расходы, непосильные даже для человека с состоянием, каким образом в течении тридцати лет, то есть со времени возмужалости своей, фокусник наш, живя постоянно в одном и том же городе, всегда находит такой запас новых и свежих дураков, готовых для него разориться, – все это тайна его, как были свои непроницаемые тайны у знаменитого Пинетти² и его собратий.

У входа с крыльца в переднюю на половину барина я заметил вставленное в двери на высоте человеческого роста стеклышко. Необыкновенное устройство это обратило на себя внимание. Заметив это, хозяин спросил: «Что вы смотрите? А, это... Это так, для удобства, для предварительного знакомства с посетителем. Ужасно много мошенников всякого рода шатается теперь по городу». Я уже слышал прежде, что вследствие такого предварительного знакомства с посетителем иному предоставлялось оборвать колокольчик, но дверь для него не отворялась. Мы вошли в первую комнату этой половины: палевые, шелковые обои с белыми разводами, мебель ореховая, резная, новейшего вкуса, занавесы над окнами и дверьми ярко-желтого штофа³ с малиновым прибором⁴, люстры и канделябры прямо из Парижа, картины не одинакового, но и не последнего достоинства, о которых

² *Пинетти* (ок. 1750 – ок. 1803) – знаменитый фокусник, гастролировавший в свое время в России (сценический псевдоним: Ж.-Ж. де Вильдаль).

³ *Штоф* – тяжелая ткань для портьер.

⁴ ...с малиновым прибором... – то есть с отливом.

рассказы и пояснения словоохотливого хозяина могут только разве поспорить с великолепием и изяществом замечательных по красоте своей рамок. Я был истинно изумлен, постоянно думая о том, что тут нет ни одной нитки, за которую были бы заплачены деньги. Мы прошли еще две комнаты, заглянули в боковую, уборную, и вошли в кабинет. Уборная эта самая важная и таинственная комната в доме, которая всегда показывалась только поверхностно, истинное же достоинство и назначение ее хозяин оставлял для посетителей под спудом, но молва – этот злодей всех тайн людских и тайников – знала все и рассказывала вот что: когда прорывался в переднюю докучливый и грозный посетитель, для которого хозяина раз навсегда не было дома, то он в один прыжок спасался в уборную, замыкал ее изнутри, вынимал ключ и спокойно ждал развязки. Для этого, во-первых, в уборную было двое дверей: одна, явная, из гостиной, и если посетитель требовал впустить его туда, то объявлялось, что барин, выходя со двора, ключ от уборной всегда уносит с собой, другая же, потайная, подлицо с шпалерами и с другими затеями, вела туда прямо из кабинета. Во-вторых, не только в уборной, но и во всех комнатах была принята особенная предосторожность, чтоб нельзя было пустить соглядатая в замочную щелку: все дверные замки были завешены небольшими ковриками прекрасной работы. В-третьих, не только великолепный умывальный шкаф, стоявший в уборной, мог служить в случае крайности довольно сносным помещением

для хозяина, но из уборной же вела дверь, скрытая в пододбии шкафа прямо на черную лестницу, где насупротив жил сапожник, большой приятель нашего милого хозяина, потому что этот, как лиса, никогда не промышлял по соседству с жилищем своим и у сапожника обуви не заказывал. Если б нужно было сделать о фокуснике по законам нашим повальный обыск, то все отзывы о нем – кроме разве только отзыва хозяина дома – были бы в его пользу, потому что он раз навсегда жил со всеми соседями в ладах и умел всякого на первых порах обворожить и расположить в свою пользу. К этому-то сапожнику спасся наш фокусник между прочим, как гласит молва, когда какой-то отчаянный заимодавец хотел прибегнуть к крайней степени преступного самоуправства и ворвался в жилище фокусника, несмотря на все предосторожности хозяина, с нарочно купленную для этого случая надежную камышовую тростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.